

Анджей Беловранин

Дети сумерек

фантастический роман

Анджей Беловранин

Дети сумерек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25919797

Аннотация

Фантастический роман о постапокалиптическом мире. Легкое чтение, стремительный сюжет, яркие образы. Если Вам нравится "Долина проклятий" Желязны, "Фоллаут" и "Безумный Макс" – не проходите мимо!

ДЕТИ СУМЕРЕК

«И УВИДЕЛ Я НОВОЕ НЕБО И НОВУЮ ЗЕМЛЮ»

«И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уж нет».

Откровение, 21, 1

1.

Отсюда она все еще казалась прекрасной. Простор, подернутый голубой дымкой. Огромные синие океаны, широкие полосы суши, на ночной стороне сверкающие мириадами огней.

Леон Дэйр потратил несколько лишних миллионов, чтобы сделать это панорамное окно – вместо используемых обычно камер. Функционально оно было совершенно бесполезно, но он не пожалел денег на возможность время от времени увидеть родную планету своими глазами и внутренне всегда ликовал, думая об этом вложении капитала – по его мнению, самом выгодном из возможных.

Глядя на нее отсюда, сверху, можно было позволить себе забыть о вонючих маслянистых лужах, горных системах мусора и отбросов, о бесконечных войнах, эпидемиях в перенаселенных бедных регионах, о голоде – в начале двадцать второго века. Из его мыслей исчезали транснациональные корпорации – мафиозные кланы, построенные по фео-

дальным принципам. Уходила в небытие огромная стеклянная пустыня на восточном побережье бывших северо-американских Штатов – на месте испаренных атомным безумием крупнейших мегаполисов. Забывал он и о тридцати гигантских кислородно-топливных комбинатах – искусственных легких планеты, заменивших практически вымершие леса и водоросли. Позволял себе хоть несколько минут не думать о семидесяти девяти процентах младенцев-уродов, девяносто три процента которых не проживают и полугода.

Леон видел огромный и прекрасный голубой шар, на котором вполне могли бы жить благородные, сильные и гордые нации, уважающие сами себя и свой мир и не страшщиеся смерти...

2.

– Ну вот, видишь, – сказал Элли и широко улыбнулся. – В каждом ящике – по тридцать штук.

Элли был толстый, как пивная бочка. У него был не только толстый живот – у него были толстые пальцы, толстые ноги, губы, лысая толстая голова, казалось, даже глаза у него толстые.

Крамер сплюнул на бетонный пол.

– Ладно, грузи, – сквозь зубы сказал он, бросил на грязный ящик пачку кредиток, развернулся и, не глядя на засуетившихся рабочих, взобрался в грузовик.

Элли кричал что-то еще минут десять, потом наконец-то подошел небритый хмурый парень в спецовке и пробурчал:

– Готово, отваливай.

Не говоря ни слова, Крамер завелся и выехал со склада.

Кругом была ночь, и не было видно, что вокруг на многие гектары – плоские мастерские, гаражи, постепенно превращающиеся то ли в полуфутуристические механические трущобы, то ли в обыкновенную свалку.

Грузовик прогремыхал по заржавевшим рельсам, и в кузове загрохотали ящики.

– Вот черт, ну и ухабы... – выругался Крамер. – Хоть бы, что ли, побыстрее...

«...свалить из этого поганого места», – додумал он. И мысли тут же побежали по привычной колее: «Поговорить с Лин, забрать ее и уехать... куда-нибудь. Только куда же спрячешься от всего этого?.. Все равно – уехать...»

Но вот остались позади заброшенные индустриальные кварталы, по сторонам потянулись цепочки многоэтажек.

Через полчаса, когда ночь уже полностью вступила в свои права, грузовик Крамера подкатил к границе Возрожденного Государства Даллас.

Прыщавый юнец в каске, налезавшей ему на глаза, положив руки на свисающий перед ним на ремне автомат, вальяжно подошел к машине.

– Чего везем? – спросил он, посмотрев документы Крамера, и артистично сплюнул в грязь жвачку.

– «Кока-кола», – проворчал Крамер.

– Показывай.

Крамер прыгнул на асфальт, обошел грузовик, открыл кузов и на всякий случай небрежно засунул руку в карман кожаной куртки. Охранник разорвал полиэтилен на одной из коробок, достал красную банку, подбросил ее в руке.

– Н-да, «Кока-кола»... – тупо сказал он. – Продай баночку?

– Нет, – просто ответил Крамер.

– Ну-ну, ладно. Езжай...

Крамер вновь взобрался за баранку, проехал под шлагбаумом и оказался один на один с пустыней. Дома, населенные живыми людьми, были пока совсем рядом – несколько сотен метров; но он знал, что теперь это то же самое, что тысяча миль: случись что, никто не придет ему на помощь.

Фары выхватывали из тьмы полуразрушенную асфальтовую дорогу, кое-где полностью исчезающую под слоем песка и прочего мусора.

Прошло около часа, Крамер время от времени обливал голову водой, чтобы не заснуть, и каждый раз вслух матерился: он никак не мог привыкнуть, что нет радио.

Неожиданно где-то слева, совсем близко, раздался одинокий выстрел. Крамер инстинктивно сжался, опустив голову к самому рулю. Но больше атак не последовало:

– Что ж, пронесло на этот раз, – пробормотал он.

Почему же это происходит, подумал он. И внезапно

вспомнил, как много лет назад, еще до Реванша, когда учился в школе, сколотил банду. Вернее, сначала это была вовсе не банда, а даже как бы команда мстителей. Они отлавливали «стрелков» и ломали им пальцы. «Стрелки» тогда как раз были в самом расцвете: приходили в школу с оружием, в масках, и палили в кого попало, или закладывали самодельные бомбы. Сдавать их полиции многие просто боялись. И тогда Алекс Крамер решил разобраться с ними: убедил своих приятелей, и вместе они рьяно взялись за дело. Как их тогда зауважали девчонки и «ботаники»!.. Это уже потом они стали избивать богатых мальчиков на дорогах тачках, чтобы отомстить им за их презрительные улыбки, над которыми поработали стоматологи, берущие по двести долларов в час. А потом... От неминуемой смерти – или тюрьмы, что было бы для такого, как он, еще хуже – Крамера спасла только армия.

И попал он в самое пекло Кубинской операции. Потом – атака Боготы, Южно-Корейский блицкриг...

Почему же *это* все еще происходит?

Наконец фары выхватили из темноты покосившуюся ржавую стрелу башенного крана, Крамер свернул влево, и вскоре грузовик съехал в неширокую лощину. Через двадцать минут тряски по бездорожью он наконец-то увидел в темноте свет фонарика. Грузовик остановился.

– Это вы, Крамер? – раздался голос Соммерсета у самой дверцы водителя.

– Кто же еще, черт подери...

– Сейчас... Эй, кто там, Гордон, открывайте ворота!

Справа в склоне лощины сдвинулась в сторону замаскированная дверь. Крамер въехал в освещенный парой мощных ламп ангар и вылез из машины.

Интеллигентное, в очках с толстыми линзами, лицо Сомерсета никак не вязалось с висящим на нем мешком камуфляжем.

– Здравствуйте, Крамер, как вы? Нормально доехали?

– Доехал, – мрачно ответил Крамер.

– Ну, что же на этот раз?

– Вам повезло на этот раз. Противопехотные мины.

– О Боже, я уже не верил, – Сомерсет улыбнулся. – Как же вам удалось их достать? Мы так давно ждем...

– Банки от «Кока-колы», – перебил его Крамер. – По весу – как настоящие. Внутри – пластит и шрапнель, так что, если кто-нибудь попытается открыть такую баночку, в радиусе пяти метров ничего живого не останется. Кроме того, специальная синтетическая оболочка, не пропускающая запах: ни одна собака ничего не учует.

– Вы просто чудо, Крамер, – в восхищении прошептал Сомерсет. – Сколько?

– Сто четырнадцать ящиков, по тридцать банок в каждом. Возьму по двести монет за банку.

– Что ж, хорошо, но если нам понадобится больше?..

– Через пару месяцев могу доставить хоть пятьсот ящи-

ков. Можно подумать и над другой формой мин. Мне тут предлагали в игрушки...

– Отлично, мы вам доверяем, вы наш лучший поставщик. Вот ваши деньги, – солидная пачка кредиток перекочевала из его рук в карман Крамера. – Следующая встреча – как обычно, через две недели?

– Увидимся, Соммерсет, – Крамер уже потянулся к ручке дверцы, чтобы побыстрее добраться до города.

– Подождите, Крамер... – позвал его повстанец, схватил за край куртки и замялся. – Я уже предлагал вам и почти не надеюсь на согласие, но все же скажу еще раз. Почему вы не хотите присоединиться к нам? Ведь вы же сами видите, что за люди эти Бишопы? Это же настоящие бандиты, их власть – власть беззакония! Такое не может дольше продолжаться, люди должны получить наконец свободу – после всего, что им пришлось вытерпеть... Неужели они мало страдали?

– Напротив, слишком много. Да отпусти ты! – дернул он куртку, за которую Соммерсет схватился буквально мертвой хваткой. И наконец взорвался. – Когда же вы успокоитесь, идиоты?! – заорал он. – Сколько вам еще нужно, сколько нужно еще убить, чтобы остановиться?! Неужели все это никогда не кончится?!

Крамер вырвался, вскочил в грузовик и врубил задний ход. Сквозь лобовое стекло он видел недоуменное, скорее даже какое-то растерянное лицо Соммерсета. Это взбесило его еще больше. Он ударил по тормозам, быстро опустил

стекло, высунулся и прокричал:

– Тупой ты, ублюдочный идеалист! – и вновь рванул с места, чуть не врезавшись в склон лощины.

И вот вновь уже нес его грузовик сквозь ночную пустыню. Но теперь ему совершенно не хотелось спать. Странно-безумная, тоскливая ярость охватила его целиком.

Бишопы, Бишопы... Дались вам эти Бишопы! Что же им делать, если, кроме как страхом, никак людей не удержать? Захватите Даллас – а дальше что? В Хьюстоне, Оклахоме, Литтл-Роке сейчас точно такие же Бишопы!

Он вновь вспомнил, как сразу после Реванша, когда уже точно стало понятно, что все закончилось, он подумал – ну, теперь все. Теперь это уже навсегда. Теперь больше не будет никаких войн, никаких взрывов и убийств.

Но не прошло и двух лет, как все началось с начала...

Пока нечего было есть и пить, не во что было одеваться, все помогали друг другу, работали сообща. Ругань, истерики, самоубийства, драки – все это было, но поодиночке выжить никто бы не смог. Зато стоило наладить хоть какое-то существование...

Что же это такое – ощущение силы, искушение власти, иллюзия безнаказанности?..

Ехать назад той же дорогой было нельзя: за несколько часов он не смог бы добраться ни до одного населенного пункта, чтобы доставить груз, и даже самый тупой охранник догадается, что он встречался с кем-то в пустыне. Поэтому Кра-

мер свернул на полуразрушенный проселок. К самому расцвету он сможет въехать в Даллас с восточной стороны.

И вдруг за очередным поворотом он увидел несколько костров – слева от дороги, метрах в двухстах. И сразу вслед за тем даже сквозь шум мотора услышал задорное улюлюканье. «Проскочу», – подумал Крамер, но тут же увидел, как зажглось несколько одиноких ярких огней. По такой дороге от мотоциклистов ему не оторваться.

Крамер остановил машину, потушил фары и вытащил из-под сиденья винтовку. Открыл дверь и спрыгнул на песок. Мотоциклисты приближались. Крамер прицелился и выстрелил в один из огней. Тот метнулся в сторону и вниз.

«Ну вот и еще один», – подумал Крамер и передернул затвор.

3.

Полусгнивший остов пикапа, погребенный под грудой обломков и хлама, образовывал что-то вроде пещерки среди мусорных завалов. Вход в нее был через разбитое окно в дверце машины, и Алиса подобрала подходящий лист металла, чтобы закрывать дыру от посторонних глаз. Если сидишь внутри тихо-тихо, то найти это убежище снаружи совершенно невозможно: пикап завален дрянью со всех сторон, и никто бы даже не заподозрил наличия полости внутри этой горы мусора.

Каждый раз, выбираясь из своего дома и возвращаясь в него, Алиса была сверхосторожна, и до сих пор ни один Ищущий, ни одна Крыса или простой житель свалки не знал о нем.

Раз в два-три дня ей приходилось отправляться в опасное путешествие к «кормушке» – свалке пищевых отходов. Неизменно одеваясь в уродливые лохмотья, она изображала дряхлую старуху, и на нее почти никогда и никто не обращал внимания.

Лишь однажды особо возбужденная Крыса решила преследовать ее. Экземпляр попался маленький и слабый – сразу видно было, что этот мутант мало кем может поживиться, раз выбрал своей жертвой еле передвигающую ноги старуху.

Получившие свое название в наследство от помойных крыс, эти банды мутантов сумели выиграть в «Царя горы» даже у маленьких вездесущих зверьков. Еды на свалке было полно – особенно на непритязательный вкус уродливых отбросов постыжерного общества. Поэтому они не промышляли каннибализмом. И все же Короли Мусора охотились за другими жителями свалок, ведомые не менее дремучим инстинктом, чем голод...

У Крысы, чей рост едва достигал полутора метров, не было одной руки – то ли он потерял ее в борьбе за существование, то ли так и родился. Урод не сомневался, что легко справится со старухой, и, преследуя ее, уже прокручивал в голове жестокую сцену изнасилования. Но когда он набросился на

Алису, отвратительно вереща, та неожиданно выпрямилась, и Крыса замер, увидев под истлевшим капюшоном молодое правильное лицо красивой женщины и выбившуюся прядь пронзительно рыжих волос; а больше не увидел ничего, потому что в горло ему вонзился блестящий армейский нож.

Как только конвульсии мутанта утихли, Алиса вытащила из его тела оружие, отерла лезвие о лохмотья уродца и, вновь, словно по волшебству превратившись в дряхлое чучело, потащилась домой, в свою пещерку.

Из еды чаще всего попадались просроченные консервы – особенно поддержал ее ящик бразильского ананасового сока. Как ни странно, свалка могла обеспечить ей достаточно хорошее питание; а оно было Алисе жизненно необходимо именно сейчас.

Другую серьезную ее проблему решила целая коробка бракованных подгузников, которая чудом попалась ей как-то по пути домой. Именно они позволили ей не покидать обжитое за последние полгода убежище.

Сидя во тьме, забившись на заднее сиденье пикапа, она прижимала к груди двухмесячного младенца, который никогда не плакал – словно зная, что детский плач был бы слишком привлекательной приманкой для местных стервятников.

4.

Неоновая надпись «Budweiser» из последних сил мерцала

над стойкой бара – ностальгическая грусть по старым добрым временам, когда в этой части света еще можно было купить пиво. Крамер с отвращением потягивал местный «виски» – единственное доступное в Далласе более-менее удобоваримое пойло; гнали его из каких-то пустынных трав, скорее всего, даже не разбираясь, каких именно – не так много здесь и росло.

Тихонько скрипнула входная дверь – значит, вошел кто-то уж очень маленький и несмелый: обычно дверь, снабженная пружиной, закрывалась с громким стуком, так что звякали бутылки на стойке.

– Крамер, – раздался свистящий шепот откуда-то из-за бедра Алекса. Он обернулся. Маленький человечек с закутаным в тряпки лицом и шипящим дыханием.

– Чего тебе? – Крамер вспомнил его: обычно нищий ошивался поблизости от дома, где жил Крамер, и время от времени Алекс подбрасывал ему пару мелких монет или какие-нибудь объедки. Но коротышка никогда не заговаривал с ним, и Крамер удивился, что тот вообще знает, как его зовут.

– Они тебя ищ-щут. Люди Биш-шопа раз-сгромили тв-фюю кв-фартуру. В-фполне в-фоз-смож-шно, с-скоро будут з-сдес-сь, – так могла бы говорить змея. А может, парню просто неудачно выбили пару зубов.

– Вот дерьмо... С чего бы это?

– Пох-хож-ше, толс-стяк из-с с-страны Оз-с раз-сгов-форилс-ся, – Крамер даже не стал удивляться, откуда этот недо-

мерок знает Элли.

Он в мгновение ока добил выпивку, бросил на стойку пятьдесят баксов и, не оборачиваясь, пошел к двери. Которая вдруг резко распахнулась от удара кованого сапога.

Крамер не стал дожидаться, пока появится хозяин обуви, и одним прыжком кувыркнулся за стойку. В противоположный от него угол рванулся бармен и залег, пытаясь быть тише воды, ниже травы – он не был хозяином заведения, и если даже здесь все разгромят в пух и прах, он легко найдет другую работу – главное остаться в живых.

– Стоять, Крамер, пададь! Ты арестован по приказу короля!

– Пошел ты... – прошептал Крамер.

Вдруг со стороны зала раздался дикий визг, а вслед за ним – крик боли. Крамер на мгновение вынырнул из-за своего укрытия и увидел, что шипящий коротышка воткнул в ногу одному из солдат длинную заточку. Прямо в коленную чашечку, причем насквозь. Удар неимоверной силы. Вряд ли этот человек теперь вообще когда-нибудь сможет ходить, не хромая.

Крамер вновь упал за стойку: его, похоже, даже не заметили, такая там началась суматоха. Раздался характерный стук: не иначе, малыш схлопотал прикладом в голову. Оставалось надеяться, что он все еще жив.

Однако рекогносцировка принесла свои плоды: их было четверо, они столпились у двери, заслоня обзор друг дру-

гу. Рука уверенно сжала старый надежный кольт «Питон» – огромный шестизарядный револьвер.

Крамер вновь вынырнул из-за стойки; шесть выстрелов: двое замертво, а раненный заточкой в ногу получил пулю во вторую коленную чашечку. Инвалидная коляска, если, конечно, увидит следующий рассвет. Крамер принялся перезаряжать оружие.

– Ах ты подонок! Лучше вылезай и сдавайся, свинья! – орал оставшийся невредимым солдат и наконец выпустил очередь по стойке и бутылкам над ней. Крамера засыпало грудой стекла и залило дерьмовым виски. – Лучше вылезай, а то я этому недомерку башку снесу!

«Жалко малыша», – подумал Крамер, встал, медленно положил на стойку кольт, глядя в ухмыляющуюся рожу солдата, и сложил руки за головой. «Черт, когда это у меня руки начали потеть?» – подумал он, перебирая пальцами метальный нож.

Солдат махнул дулом автомата, приказывая выходить. Этого было достаточно. Как только ствол чуть отошел в сторону, Крамер нанес удар. Резко свистнув, оружие вошло солдату в глаз, пронзило мозг и кость: маленький краешек лезвия торчал из затылка медленно опадавшего на пол подданного короля Бишопа.

Крамер схватил кольт, перепрыгнул через стойку и, на ходу подобрав в левую руку бесчувственное тело маленького человечка, выскочил из бара.

Он бежал по пустынным улицам, все дальше пробираясь в трущобы – малообжитые кварталы Далласа, где найти их нельзя было бы даже при очень большом желании. Минут через десять Крамер вздрогнул от голоса:

– Отпус-сти меня, я не меш-шок, – похоже, малыш пришел в себя. Крамер поставил его на землю, и они вошли в ближайший полуразвалившийся дом: надо было передохнуть и прийти в себя. Человечек покачивался, но стоял на ногах довольно крепко.

– Куда тебя приложили? – спросил Крамер. – Дай посмотрю.

– Не надо, – отшатнулся малыш.

– Ну ладно, как хочешь, – Крамер решил пока не настаивать – все-таки его новый партнер был довольно дикий. – Как хоть тебя зовут?

– Коротыш-шка.

– Понятно. Сказал бы еще, «Эй, коротышка!». Я спрашиваю твое имя. Тем более что мое ты откуда-то знаешь.

– Дж-шек. Или Дж-шон. Я уж-ше и не помню.

– Забавно. Ну, пусть будет Джек, тебе подходит. И все-таки, откуда ты знаешь про меня и мои дела?

– Я умный, хорош-шо с-слыш-шу и легко з-сапоминаю. Как думаеш-шь, кто-нибудь обратит в-фнимание на дв-фа с полов-финой ф-фута лох-хмотьев-ф?

– Что ты знаешь про Элли?

– Толс-стяк прокололс-ся. Немец-ские полные ав-фтома-

ты – ш-штук ч-четырес-ста, не меньш-ше. Карав-фан с-с ни-ми в-фз-сял патруль, ох-храна с-сдала ж-ширдя, а он уж-ше з-сало-жил в-фс-сех-х.

– Что с ним сделают?

– Пус-стят на ф-фарш-ш.

Крамера передернуло. Вот уж за это «изобретение» Бишоп точно будет гореть в аду. Гигантская мясорубка с окнами из пуленепробиваемого стекла в самых «интересных» местах. Государственных преступников бросали туда живьем и перемалывали целой системой ножей – от гигантских до миниатюрных, потом из получившегося делали фирменные бишопбургеры – для членов королевской семьи, почетных граждан и именитых гостей.

– Элли мне, в общем-то, никогда не нравился... Но мясорубка – многовато даже для этого упыря.

– З-сато получ-читс-ся много бургеров-ф... – мечтательно произнес Джек, и Крамер подумал, не поторопился ли он брать неизвестного нищего в свою команду. С другой стороны...

– Если бы не ты, дружище, их было бы еще больше. Я ведь так и не поблагодарил тебя. Спасибо, Джек, – Крамер протянул малышу свою руку, тот поднял свою в ответ, в итоге Крамер пожал какой-то сверток из лохмотьев. Ему так пока и не удалось увидеть ни кусочка кожи этого существа – хорошо хоть, новый знакомец не распространял вокруг себя никаких специфических запахов, что не редкость среди ни-

щих и бездомных.

«Да, из меня вы бургеров не сделаете, придется вам довольствоваться одним беднягой Элли, – думал Крамер. – Хотя, у него же было много клиентов, может, и еще кого... Лин! Как же я мог забыть!»

– Нам надо спешить, – Крамер вскочил, проверил, легко ли достается из кобуры кольт.

– Лин С-сантоз-с с-с тринадц-сатой улиц-сы. Уж-ше поздно с-спеш-шить. Ее с-сц-сапали пару ч-шас-сов-ф наз-сад.

– Ты, я вижу, действительно многое замечаешь. Может быть, знаешь, где она?

– Тринадц-сатая улиц-са: тринадц-сатый уч-шас-сток...

5.

Олаф лежал с закрытыми глазами и вспоминал свою прекрасную страну, покрытую лесами и снегами. И тесная шестиметровая комнатуха в отеле бизнес-класса в Большом Эл-Эй сейчас для него не существовала. Он видел пронзительное черное небо с красивыми яркими звездами, вдыхал запах зимней ночи и слушал пение елей на ветру. Его крепкий двухэтажный коттедж из грубо отесанных бревен и сверхпрочных полимеров освещался одиноким огнем над дверью, и лыжи, воткнутые в сугроб, отбрасывали длинные тени. Швеция... Самое прекрасное место на Земле...

После атомного ужаса Реванша и последовавших за ним

бесконечных судорожных войн лишь несколько государств прошлого вышли почти сухими из мутной отравленной воды. Северу Европы удалось избежать и ядерных бомбардировок, и жутких социальных потрясений, и жестоких революций: на время он сумел отгородиться от окружающего кошмара. Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия... И все. Четыре государства сохранились на всей планете с довоенных времен. Лазерные бункеры и стаи «собак»-терминаторов надежно охраняли этот клочок земли от мародеров и мутантов.

Но гораздо страшнее безумных орд дикарей и армий свежесостряпанных феодальных государств был ветер. Он непрерывно дул из разоренных Реваншем российских степей: радиоактивная чума, убивающая или искажающая до неузнаваемости все на своем пути. И небесным щитом вставал против этого ветра Шведский Гвардейский Воздушный Флот. Направленные взрывы вакуумных бомб изменяли давление; химикаты заставляли оседать на пустынных землях ядовитые облака.

Все новые и новые виды микроорганизмов из секретных лабораторий очищали от скверны прибрежные воды скандинавских морей.

Битва за жизнь – ту, что была задумана Богом – пока еще не проиграна.

Мерзкий электронный писк – и благословенная северная

страна вновь оказалась за двадцать тысяч километров от него. «Что я здесь делаю? – думал Олаф. – Неужели оно того стоит? Быть может, этот мир доживает свои последние годы, месяцы, так почему бы не прожить их по-человечески?.. Уехать, сегодня же...» И вновь раздался зуммер видеофона.

– Дерьмо.

«Я же инженер. И я здесь, чтобы строить...»

– Ответить! – Олаф так и не соизволил открыть глаза. Он услышал, как, повинаясь его команде, включился переговорный экран.

– Здравствуйте, мистер Гуннарсон!

– Больден. Кто же еще в три часа ночи? – Олаф помолчал несколько секунд. – Вы знаете, что делали в древности с гонцом, принесшим дурные вести?

Эрик Больден невидимо усмехнулся:

– Вы правы, новости действительно так себе. Городской Совет Лос-Анджелеса распорядился приостановить строительство Установки.

– Черт. Дерьмо, – у Олафа вдруг промелькнула мысль, что в этой богом проклятой стране он даже ругаться не может на родном языке. – Вы же говорили, что у вас прекрасное лобби в Совете... – он наконец открыл глаза и посмотрел на Эрика; тот на редкость плохо выглядел: похоже, его тоже только что разбудили, прямо среди ночи. – Этот, как его... этот итальянец...

– Диалонетти. Бедняга Энтони.

– Бедняга? – Олаф задрал брови.

– Он погиб сегодня вечером. Управляемая ракета. На месте его особняка сейчас аккуратная воронка. Даже пыль еще не осела.

– Ничего не понимаю, – Олаф сел на кровати. – Если его убили только что... как успел собраться Совет, да еще и наложить арест на строительство в такие кратчайшие сроки?

– Все, что я могу сказать: кому-то очень не нравится наша Установка. И этот кто-то обладает буквально безграничными возможностями. Ракета, что достала Энтони... это не банальный стингер. Крылатая ракета, пущенная по лазерному наведению через спутник – или с эсминца, или из какого-нибудь довоенного бункера. Я даже не представляю, у кого могут быть такие возможности...

Олаф окончательно проснулся и быстро оправил одежду: он спал не раздеваясь; в этом городе приходилось постоянно быть начеку.

– Что вы намерены делать? Вы уже сообщили о случившемся господину Дэйру?

– К счастью, это не входит в мои должностные обязанности, – улыбка Эрика была совершенно искренней. – Но, думаю, мистер Леон Дэйр уже все знает: служба информации Дэйр-корпорэйшн работает прекрасно. Придется ждать развития событий. А пока вам, конечно, нужно как можно скорее попасть на объект и начать консервацию. Боюсь, придется демонтировать и спрятать основные узлы Установки, да и

наиболее ценное оборудование тоже.

– Вы опасаетесь диверсии?

– Нет. Я опасаюсь чиновников. Как только приставы доберутся до нашего детища, они там камня на камне не оставят.

– Только через мой труп, – сквозь зубы процедил Олаф.

– Надеюсь, что обойдется без этого, – на сей раз Больден даже не улыбнулся.

6.

Большая кошка на мягких лапах спрыгнула со своего любимого наблюдательного поста на шкафу, подошла к креслу, в котором Рутгер потягивал джин, и стала ластиться к нему.

– Иза, Иза, девочка моя, – бормотал Рутгер, поглаживая большую пушистую голову и время от времени дотрагиваясь до кисточек на ушах. Рысь блаженно урчала и жмурила глаза.

Рутгер сделал еще один глоток. Может, он поторопился? Теперь, по прошествии двух месяцев, проведенных в безрезультатных поисках, Рутгер Нэш готов был хвататься за любую соломинку. Покойный итальяшка явно имел какую-то связь с этим делом, раз ради него заказчик оторвал Рутгера от основного задания. Задания, над которым Нэш бился уже неприлично долго – для специалиста его класса. Да и способ выполнения заказа, выбранный работодателем, наводил на размышления. Это было уже не простое заказное убийство, а террористический акт, призванный запугать... кого? В этом

деле было слишком много неизвестных.

Да, надо было сначала поболтать по душам с этим Диалонетти...

Ну что ж, теперь уже ничего не поправишь. Радует хотя бы то, что заказ выполнен по высшему разряду: чисто и красиво... И Иза ластится, знает, что хорошо сегодня поработала.

Когда Рутгеру сообщили условия: установить лазерный указатель на особняк члена Совета в строго определенное время – он сначала ушам своим не поверил. Даже если кто-то смог получить доступ к довоенным технологиям такого класса как управляемые крылатые ракеты со спутниковым наведением, использовать их для устранения одного человека ранга Диалонетти – все равно что охотиться с танком на тараканов. И дело здесь даже не в цене, а в невосполнимости этого ресурса – крылатых ракет: их не производил ни один завод на планете уже добрых два десятка лет, и будь ты хоть трижды магнат – все равно не сможешь купить их ни за какие деньги, как нельзя купить эликсир бессмертия или философский камень.

Диалонетти был мелкой сошкой, с него хватило бы простого ручного гранатомета – подорвать автомобиль, и делу конец. Не говоря уже о том, что Рутгер Нэш вообще смог бы все это сделать без лишнего шума...

Как только стемнело, Иза легко перепрыгнула ограду особняка, без труда обманула сенсоры движения и, притаившись на ветке вяза, ждала, когда подъедет лимузин Энто-

ни Диалонетти. Затем Рутгеру всего лишь надо было нажать на кнопку, и включился лазерный указатель, закрепленный на голове рыжей рыси. Через четыре с половиной минуты член Городского Совета Лос-Анджелеса превратился в пыль – вместе со своим прекрасным домом в неокOLONиальном стиле...

Рутгер взглянул на часы: пора было возвращать Зигфрида с охоты. Нэш надел шлем и прикрыл левый глаз, а правым взгляделся в окуляр установленного в шлеме микроэкрана. Движением брови он переключил вид с камеры на голове сокола на камеру на его левой лапке: теперь в инфракрасном спектре он видел крыши домов и захламленные улицы Лос-Анджелеса: все, над чем пролетала птица.

Рутгер протяжно свистнул в микрофон шлема, и Зигфрид тут же повиновался команде: он сделал широкий разворот, опираясь на левое крыло, и направился домой, к скромной усадьбе Рутгера, затерянной в предместьях мегаполиса.

Рутгер снял шлем и вернулся к своему джину. Сокола ждать еще минут десять...

Отряд коммандос под названием «Хозяева» был создан правительством США за два года до Реванша. Рутгер – кодовое имя Спрут – оказался самым многообещающим специалистом среди своих коллег: всего через год он уже мог выполнять боевые задачи со своим первым питомцем. Это был пес – немецкая овчарка по кличке Курт. Специальный шлем, оборудованный наушником и микроэкраном, позво-

лял Рутгеру видеть и слышать все, что видела и слышала собака... вернее, что мог бы слышать и видеть на ее месте человек – благодаря укрепленным на голове животного видеокамерам и микрофонам. Так же дистанционно Рутгер подавал Курту команды. Отработан был и механизм обратной связи: несколькими простыми знаками пес мог передать хозяину, что видели его глаза, слышали уши, и чувствовал нос. На грудь собаки надевался специальный жилет, крепившийся на манер шлейки, а под брюхом располагался кронштейн, позволявший укрепить короткую крупнокалиберную винтовку, мину или даже небольшую ракету.

Курт умер от старости несколько лет назад. Кроме него – уже по собственному почину, после Реванша, когда из всех «Хозяев» в живых остался один Спрут – Рутгер тренировал других животных. У него в команде были ласка и горностай, несколько хищных птиц... Ментальное подавление, целая система курсов химических препаратов и обучение с раннего «щенячьего» возраста позволяли ему приручать самых диких и своенравных меньших братьев. Сейчас агентов у Нэша осталось четверо: сокол Зигфрид, рыжая рысь Иза и два брата-хорька – повинувшись странному желанию, словно вынырнувшему из детства, он назвал их Чип и Дейл...

В комнате на втором этаже раздался плеск крыльев: Зигфрид вернулся.

Рутгер нехотя выбрался из кресла и направился вверх. Под его шагами закрипели крутые деревянные ступени. И

вдруг – как всегда неожиданно – под ноги ему вылетел живой пищащий клубок: Чип и Дейл не то играли, не то дрались за какое-нибудь лакомство, забредшее на шести членистых ножках в старый дом.

– Ну вас, чертенята, – и Рутгер несильно толкнул ногой два переплетенных тела, чтобы не наступить на них. Хорьки тут же расцепились и, внимательно поводя носами, смотрели на хозяина. А потом одновременно, словно по команде, бросились на его штанины и в мгновение ока вскарабкались на плечи: Чип – по правой стороне тела, Дейл – по левой. Они тыкались мордами ему в шею и в уши, щекоча усами, так что Рутгер несколько раз мотнул головой.

Зигфрид сидел на своей жердочке, повернув голову на бок. Рутгер снял с него электронную сбрую и бросил птице немного сырого мяса из ларя в углу. Сокол, расправив крылья, накинулся на добычу и стал рвать ее клювом.

Пора было браться за дело – Зигфрид не просто так парил над городом...

Вначале Рутгер искал их через своих осведомителей на улице, через своих людей в полиции... Но ничего не помогало. Потом попробовал прощупать их старые контакты – сделать это было чрезвычайно трудно, слишком значительных людей это касалось. И все же Рутгеру удалось и это, но... безрезультатно. Они словно сквозь землю провалились. И вот две недели назад, когда Рутгер понял, что талант детектива не сможет выручить его – он принялся за планомерный

обыск Большого Эл-Эй. Каждый день Зигфрид прочесывал городские кварталы и предместья Лос-Анджелеса, включенная на режим работы в инфракрасном спектре камера передавала данные напрямую в компьютер Рутгера, и тот анализировал их.

Рутгер искал женщину среднего роста и возраста с маленьким ребенком – не старше полугода. Тепловизору нипочем были любые стены (вернее, потолки), и Рутгер мог увидеть каждого жителя города. Довольно быстро компьютер отбрасывал всех, кто не подходил под описание цели: не так уж много маленьких детей с двумя руками и двумя ногами было в этом мегаполисе в начале двадцать второго века.

Остальных Рутгер пробивал по Базе Граждан Лос-Анджелеса: действительно ли в таком-то доме зарегистрированы молодая женщина и ребенок. Если данные Базы совпадали с записью тепловизора – Рутгер оставлял счастливую семью в покое. Так что в итоге набиралось не так много незарегистрированных матерей с детьми. А уж этих Нэш проверял лично.

Как правило, это были мамы со своими чадами, опрометчиво забредшие в гости; очень редко – незарегистрированные бродяги (дети, тем более без физических аномалий, у них практически не рождались). Серьезно повозиться Рутгеру пришлось только с тремя городскими сиротскими приютами...

Спускаясь на первый этаж, Нэш думал о последней ин-

формации заказчика: цели совершенно точно не покидали городской черты. Откуда он мог это знать? Ведь стоило им выбраться за границу предместий Лос-Анджелеса – и Рутгеру ни за что не найти их.

Он сел на крутящийся стул и надел активные перчатки. Включился голограф компьютера, и Рутгер принялся за уже привычную рутинную работу: отбирать, сверять и отбрасывать, отбрасывать...

7.

Тринадцатый участок располагался в новом здании; построено оно было уже после Реванша. А у всех послевоенных построек в Далласе была одна общая черта: они возводились без четкого архитектурного плана... да и вообще без какого-либо архитектора. Используя часть старого фундамента и две чудом сохранившиеся стены, рабочие в течение одного дня обстроили их кругом, залили все как попало цементом, щели заделали пластик-герметиком. Получилось три комнаты с крышей; одна из них – обширная камера с дверью-решеткой, одна – общая, и маленькая – кабинет капитана. И никаких окон.

Над входом, чуть выше кривой полустертой надписи «Полиция» – красной краской по ржавой жести, – горела тусклая лампочка; рядом с ней – камера слежения.

Крамер стоял в тени на противоположной стороне ули-

цы. Вот свет лампочки у двери выхватил странную фигурку: тугой сверток драных тряпок. Джек осторожно приблизился ко входу, что-то прошипел в интерком. Щелкнул электронный замок, и коротышка, толкнув дверь, бесшумно скрылся внутри. Из участка тут же послышались крики. Через пять секунд дверь закроется: дай бог, чтобы малыш все сделал правильно!

...Три, два, один... Держа в одной руке кольт, а в другой – световую гранату (он никогда не расставался с одним-двумя спецсредствами), Крамер быстро проскочил пространство, отделявшее его от двери, в последний миг осторожно приоткрыл ее – всего на сантиметр.

Джек что-то шипел и размахивал руками прямо перед лицом охранника, в чьи обязанности входило наружное наблюдение. Еще двое полицейских в поле зрения Крамера – справа от двери – что-то писали за своими столами.

Алекс проскользнул внутрь и огляделся. Слева четверо, двое из них, улыбаясь, наблюдают за шоу, устроенным Джеком:

– Крыс-сос-слон! Огромный! Прямо здес-сь, з-са углом... – коротышка не придумал ничего лучше, чем вспомнить старую байку далласских нищих о гигантском монстре-людоеде.

Всего – семь.

Наконец один из копов повернул голову в сторону Крамера. И увидел уставленный ему прямо в лоб ствол «Питона».

– Какого?!. – успел выкрикнуть он, потянувшись за короткоствольным автоматом на столе. И его мозги забрызгали двух стоявших рядом полицейских.

Крамер бросился на пол влево, одним движением перевернув стол с «моче»-варкой. Краем глаза успел заметить, как сползает по стулу охранник из «наружки» – в горле знакомая заточка.

Главное – двигаться! Бросив куда-то за спину гранату, Крамер зажмурился и перекатился в угол комнаты. Грохнули автоматы полицейских: в мгновение ока перевернутый стол разлетелся в щепки. И сразу – ослепительный взрыв; Крамер сжался в углу, досчитал до трех и открыл глаза: два копа были, схватившись руками за лица, один палил короткими очередями куда-то в сторону, слепо пялясь в пустоту, еще один тупо стоял, с головы до ног измазанный кровью, мозгами и осколками черепа того первого, убитого Крамером. А последнего нигде не было видно. На всякий случай Крамер выстрелом снес полбашки ослепленному автоматчику и снова перекатился – теперь уже вдоль торцевой стены, в предполагаемый тыл прячущемуся противнику. И вовремя: тот как раз вынырнул откуда-то из-под стола и несколько раз выстрелил в угол из гауссова «Кварда». С тонким свистом сверхбыстрые иглы прошли бетонную стену, как бензопила – масло. Но Крамера там уже не было; завершив кувырок, он выпустил в копа две пули с колена: одна в бедро, другая в живот. Полицейский отлетел на полтора метра.

Крамер встал и ручкой кольта изо всех сил въехал в висок застывшему в ступоре. Тот мешком рухнул на пол.

Крамер посмотрел в дальний от него угол комнаты: Джеку, похоже, световая граната нисколько не повредила, и теперь он деловито разбирался с двумя последними ослепленными копами. Жестокости парню было не занимать: подойдя к первому, он воткнул ему заточку в пах. Несчастный завизжал и упал на пол, корчась. Та же участь постигла и второго.

– Крамер, чтоб меня черти драли! – Алекс повернулся. Из-за решетки камеры на него радостно сияла черными глазами Лин. – А ну, вытаскивай меня отсюда: ключ у капитана.

– А как же «пожалуйста»? – усмехнулся Крамер.

– Три часа, на полу, – скороговоркой проговорила женщина. Не глядя, Крамер выстрелил вправо от себя: пуля попала в голову приподнявшемуся на локте копу с «Квардом».

– Капитан один? – как ни в чем не бывало спросил Крамер.

– А как же «спасибо»? – ядовито улыбнулась Лин. – Я все-таки спасла тебе жизнь.

– Не смейся: я знал, что на нем жилет, – еще более ядовито улыбнулся в ответ Крамер.

Лин покачала головой, и черная прядь красиво погладила ее щеку:

– Капитан один, но осторожней – не рви его на части! Электронный ключ – в нагрудном кармане, если ты его повредишь – придется стены взрывать.

– Лучше сделаем подкоп: ты – с той стороны, я – с этой...
– Крамер высыпал на пол пять гильз, любовно погладил последний патрон в револьверной камере и стал неспешно перезаряжать оружие.

– Заткнись, Крамер, и шевели задницей! Каждая минута в этом вонючем гадюшнике стоит мне двух часов жизни и трех тысяч нервных клеток.

– Эй, приятель! Если и правда вытащишь нас отсюда – не пожалеешь! – за спиной Лин появилась тощая физиономия какого-то незнакомого пацана лет девятнадцати.

– Сантоз, что это еще там у тебя за компания? – Крамер оценил парня взглядом. – Набираешь себе армию бойскаутов?

– Обычные кретины из Сопротивления.

– Ну ладно, отдохните пока, поиграйте в «Раз ракета, два ракета...», а папа разберется с нехорошими дядями, – барабан «Питона» щелкнул, входя в паз, и Крамер повернулся в сторону кабинета.

За дверью с большим стеклянным окном посередине, завешенным шторкой, было тихо. Крамер, стоя сбоку за стеной, вытянул руку и осторожно постучал в стекло. Дверь тут же прошла очередь: разлетелось вдребезги стекло, брызнули щепки во все стороны щепки.

– Лучше сдавайся, нас тут семеро, а ты один! – крикнул Крамер.

– Зато я вызвал подкрепление, а в твоей заднице скоро

прибавится дырок! – раздалось из-за двери.

– Я предупредил! – Крамер переложил кольт в левую руку, присел и подобрал выпавший из мертвых пальцев копа «Квард». На электронном табло горели красные циферки: «02». Две иглы – должно хватить.

Крамер вернулся к двери и прикинул подходящий угол атаки. Судя по всему, этот придурок сидит под столом, в центре комнаты. Крамер вытянул перед собой гаусс-пистолет и нажал на кнопку. Оружие пискнуло, в стене образовалась аккуратная дымящаяся дырочка; из-за двери раздалось ругательство, и в стену брызнула еще одна очередь; Крамер выстрелил снова – капитан ответил – и тут во внезапно наступившей тишине участка раздался долгожданный щелчок: отсоединился магазин автомата.

Крамер всем телом вышиб дверь и на коленях проскользил по полу к самому столу. Ствол «Питона» уперся в висок капитану. Его пышные усы тотчас же уныло обвисли, автомат выпал из рук.

– Ключ, – спокойно сказал Крамер и усмехнулся, глядя на лежащую тут же, под столом, рацию: похоже, когда началась заварушка, капитан как раз хотел поменять аккумулятор. – Значит, подкрепление? Боюсь, не сегодня, дружок, – и Крамер второй раз за этот день воспользовался рукояткой пистолета как дубинкой.

Через минуту дверь камеры закрылась, обрекая двух контуженных полицейских на долгое заключение: электронный

ключ жалобно хрустнул под армейским ботинком Крамера.

– Неплохо, – пробормотала Лин, оглядывая побоище. – И что же дальше, Разрушитель Полицейских Участков? И кто этот малыш вон там, в углу? – она указала на Джека, деловито потрошившего столы и шкафчики, по-видимому, на предмет съестного. Следом за ним обыскивали комнату и четверо юнцов из Сопротивления, спешно вооружаясь.

– Это Джек. Кстати, можешь хоть ему сказать спасибо: без его помощи мы оба завтра попали бы в брюхо к Бишопу – на булочке с кунжутом.

– Что ж, с удовольствием! – ослепительно улыбнулась Лин. – Спасибо, Джек, что не позволил этому обалдую угробить нас всех!

– Не з-са ч-што... – Джек как раз нашел булочку с химическим заменителем джема; булочка исчезла в складках лохмотьев; раздалось потрясающее богатством звуковых оттенков чавканье.

Крамер подошел к труп охранныка с заточкой в горле: острый стальной осколок, заточенный с одной стороны и грубо обмотанный проволокой с другой.

– Слушай, Джек, сколько у тебя их? Похоже, целый арсенал.

– На мой в-фек х-хв-фатит... – Джек подбежал к Крамеру и ловко вытащил оружие из шеи убитого. Смертоносный клинок исчез под обносками.

– Да я не против, но все же... – Крамер замялся, – мо-

жет, добавишь к своей коллекции что-нибудь поогнестрельнее? Как насчет вот этого? – Крамер поднял с одного из столов автомат с коротким стволом. – Хеклер унд Кох, Кей-Экс-12, разработка 2047 года. Металл плюс легкие сверхпрочные полимеры: высокая надежность в сочетании с малым весом и простотой устройства. Полный автомат, калибр 9 миллиметров. Пятьдесят два патрона в магазине, расположенном в прикладе; девятьсот пятьдесят выстрелов в минуту; прицельная дальность – двести пятьдесят метров. Коллиматорный прицел. Один из лучших в своем классе. При желании оснащается, – Крамер выдвинул ящик стола, потом еще один, – ага, вот! При желании оснащается глушителем, – Алекс ловко навинтил небольшую трубочку на ствол автомата. Оружие сразу стало выглядеть гораздо солиднее. – Ну что, Джек, не желаешь?

Джек только фыркнул и продолжил рыться в ящиках. Однако в этот момент ласковая рука дотронулась до ладони Крамера; он ощутил прикосновение нежных губ у себя на щеке:

– Зато мне как раз подходит, – Крамер с удивлением обнаружил, что автомат чудесным образом перекочевал от него в руки Лин. – Спасибо, Алекс! – и она обворожительно улыбнулась. – Кстати, не найдешь мне где-нибудь парочку запасных магазинов?

Крамер покорился: еще поковырявшись в столе, он обнаружил жилет-патронташ:

– Вот, этого тебе на год хватит...

Лин надела жилет, увешанный магазинами, поверх зеленой футболки, быстро разобралась с застежками-липучками, нацепила ремень автомата через плечо, попрыгала, проверяя, как сидит обнова, потом привычно засунула руки в карманы черных армейских брюк. И внезапно поймала на себе внимательный взгляд Крамера.

– Что, что-нибудь не так застегнула? – тут же спохватилась она. Небольшая пауза:

– Нет, просто люблюсь, какая ты красивая... – через секунду Крамер пришел в себя. – Кстати, стволы-то совсем новые! Похоже, именно из-за этих игрушек и погорел Элли.

– Толстый подонок, – выругалась Лин. – Не понимаю, почему нужно было сдавать всех? Ну, тебя, Крамер – это понятно, ты возил оружие. Но я-то занимаюсь исключительно лекарствами. Мог бы и «забыть» обо мне...

– Под пыткой?

– Пытку я ему устрою, когда доберусь до этой жирной задницы, – Лин передернула затвор.

– Кстати, вопрос о пытках пока что для нас абсолютно не праздный, – глубокомысленно заметил Крамер. – Эй, ребята! – крикнул он пятерым вооружившимся до зубов повстанцам, о чем-то совещавшимся в углу разгромленного участка. – Какие планы на вечер?

Крамеру ответил тот пацан, что уже пытался разговаривать с ним из-за решетки:

– Будем выбираться из города; сейчас у нас в Далласе почти не осталось агентов: слишком многих взяли.

– Понятно... Ты главный в этой группе?

– Да.

– Я не расслышал твоего имени?

– Зиг. Чего тебе нужно?

– Вы не думали о том, чтобы затеряться в трущобах?

– Слишком опасно: любой бродяга стукнет за грошовое вознаграждение – и мы отправимся в мясорубку.

– Идея насчет выбраться из города неплоха, но, боюсь, без транспорта этого сделать не удастся... У вас есть колеса? – Крамер выбил ногой стекло в чудом уцелевшем шкафчике, вытащил из него помповый дробовик.

– А ты уверен, что нам понадобится твоя помощь? – похоже, мальчишка осмелел, заполучив в руки оружие.

Крамер как раз рассовывал по карманам огромные патроны двенадцатого калибра. Он повернулся к революционеру и внимательно оглядел его. Паренек сразу заметно сдулся.

– Уверен, – сказал Крамер и вернулся к своему занятию.

– Ладно, у нас есть микроавтобус, в двух кварталах отсюда, совершенно «чистый». Но...

– Вот именно – но! – перебила его Лин. – Ты что, Крамер, всерьез думаешь, что после всей сегодняшней заварухи какой-нибудь блок-пост так запросто пропустит фургон без досмотра?

Крамер усмехнулся:

– А разве я говорил, что мы будем прорываться через блок-пост? Даже если получится – за нами вышлют погоню, да и вообще не хочется уезжать из Далласа, не попрощавшись...

Несколько секунд все молча смотрели на Крамера (кроме Джека, который как раз обнаружил сэндвич с крысой). Алекс тем временем спокойно присел над трупом одного из копов, отстегнул от его груди полицейский значок и кривовато прицепил его себе на куртку. Первой общее мнение выразила Лин:

– О боже, Крамер! Ты сошел с ума! Неужели ты хочешь?..

– Почему нет? – схватив дробовик за цевье, Крамер встряхнул его левой рукой: клик-клак – патрон вошел в ствол. – Сегодня ночью я рассчитываю на аудиенцию у короля Далласа, государя Иена Бишопа.

8.

Под строительство Установки была выделена большая часть лос-анджелесской верфи. Огромный скелет будущего плавучего завода возвышался над бетонными корпусами, окруженный путаницей подъемных кранов.

«Разбирать и прятать... Проклятая работа!» – ругался про себя Олаф, оглядывая свое детище. «Да легче верблюда протащить через игольное ушко». До рассвета было еще два часа, Олаф кутался в плащ и пытался согреться уже четвертой

чашкой кофе.

...Олаф Гуннарсон, один из лучших выпускников Европейской Строительной Академии, до Реванша занимался конструированием орбитальных гостиничных комплексов и подводных научно-исследовательских лабораторий. Но ядерный холокост надолго оставил талантливого инженера без работы. Несколько лет Олаф жил в одиночестве в своем коттедже в Швеции – один из немногих людей на Земле, имевший счастье дышать чистым воздухом и пить чистую воду без использования какой-либо техники. Он выращивал свиней и кур, что не требовало от него больших усилий благодаря значительной автоматизации процесса, и это приближенное к натуральному хозяйство занимало все его свободное время. Олаф не интересовался новостями из большого мира и старался вообще поменьше думать – только так ему удалось бы не спиться.

Но однажды зимой на полянке перед его домом опустился военный вертолет: осколкам мирового сообщества наконец-то понадобились его знания и опыт...

Их было семеро – инженеры, собранные со всех концов Земли, последние таланты уходящего мира: помимо Олафа, два американца, француженка, немец, самородок из Индии и странный вундеркинд-мутант, единственный новый росток интеллекта откуда-то из восточной Сибири. В течение полугода, не снимая активных перчаток, не отрывая глаз от голографов своих компьютеров, они искали способ нако-

нец-то использовать мощь технологической цивилизации не во вред планете, а во благо ей. Так был создан проект первого Осушителя.

Гигантский комбинат, высасывавший воду из мирового океана, был построен в Южной Америке, на побережье бывшего Чили. Из воды выделяли чистый кислород – и отпускали его на волю. Заменив уничтоженные тропические леса, вымершие поля водорослей, Осушитель позволял планете делать последние судорожные вдохи.

За первым комбинатом был второй – в Англии, затем третий – в Антарктиде... Всего – тридцать. Олаф был отцом четырех из них, он строил Осушители так же, как греческий воин бежал через долину Марафон – без оглядки, не обращая внимания на палящее солнце и заливающий глаза пот. Он не думал о пути, что оставил позади себя; старался не думать о том, что будет, когда он добежит до конца. Ведь он лучше кого бы то ни было знал: вся эта суета, весь этот строительный псевдовозрожденческий бум – конвульсии раздавленной собственной тяжестью гигантской машины, пожирающей самое себя, имя которой – человечество.

Так почему же он не бросил все это еще тогда, вначале, во время установки первой сваи на древнем чилийском берегу? Почему потом не променял вечные льды Антарктики на родные снега Швеции? Чтобы продлить агонию этого мира еще на десять, двадцать лет?

Осушители не зря получили свое название. За время их

работы уровень мирового океана понизился уже на полметра. Дальше этот процесс будет идти только быстрее.

Оставалось одно: забыть обо всем и отправиться домой, расписавшись в собственном бессилии. Но непонятно почему Олаф никак не мог решиться на это и все еще продолжал на что-то надеяться...

Сейчас в Лос-Анджелесе он строил Осушитель нового типа. Между собой строители звали его Установкой, но, по сути, название это было в корне неверным: новое детище Олафа не собирались нигде «устанавливать», наоборот, это был гигантский плавучий комбинат, внешне напоминавший огромный авианосец. Он должен был высасывать воду прямо из-под себя и выделять из нее кислород, посещая те уголки планеты, где был нужнее всего.

Установка строилась практически целиком на деньги транснациональной Дэйр-корпорэйшн, и инженеры этой компании, похоже, разработали какие-то новые узлы для старой модели Осушителя. Свои ноу-хау эти гении держали в секрете, практически без помощи Олафа монтируя систему управления комбинатом.иональной Дэйр-корпорейшн.ат.е.ц.ным: новый агрегат не собирались нигде

Олаф на секунду представил себе, сколько труда и времени потребуется, чтобы разобрать только самые дорогостоящие элементы Установки. Он вообще пока плохо представлял себе, как это делать: возможность такой экстренной «утилизации» не предусматривалась во время строи-

тельства. Поэтому, чтобы начать хоть с чего-то, он решил быстро разобраться с самыми простыми задачами.

Львиную долю трюма Установки занимали водородные танки – емкости для хранения сжатого водорода, выделяющегося из воды вместе с кислородом в процессе электролиза. Этот водород теоретически можно было бы использовать как топливо – но для этого потребовалось бы столько же кислорода, сколько добывает такой комбинат. Поэтому водород приходилось хранить в специальных могильниках. Стационарные Осушители обстраивались такими могильниками со всех сторон, и водород поступал в них непосредственно с самого комбината. Установке же придется время от времени избавляться от опасного груза, посещая специально оборудованные для этого терминалы в нескольких портах мира.

Собственно, водородные танки представляли собой банальные металлические цистерны – вот уж где действительно трудно найти что-то ценное, дорогостоящее или уникальное! Поэтому Олаф, взяв с собой бригаду рабочих, решил быстро поручить им демонтаж клапанов и электронных замков резервуаров – а самому заняться чем-нибудь поважнее.

Возведение этого отсека практически не требовало участия строительного гения Олафа Гуннарсона, поэтому он за все время работы над Установкой побывал тут всего два раза: во время закладки и еще однажды, спустя несколько месяцев, – потратил всего пару минут. Руководил тут один из умельцев Дэйр-корпорэйшн, но сейчас, в пять утра, он, ви-

димо, досматривал десятый сон, и Олаф не стал дожидаться его возвращения: вряд ли беглый осмотр и несколько ценных указаний бригадиру отнимут у него больше, чем четверть часа.

Они быстро поднялись по лесам к отсеку водородных танков. Олаф бросил взгляд на клапан, оснащенный электронным замком, на одном из резервуаров. Все просто, как чайник.

– Послушайте, любезный! – Олаф обернулся к бригадиру, глянул на его бэйдж. – Джексон! Значит так, снимайте клапаны, спускайте их вниз, там сдавайте их мистеру Лигрину, я распоряжусь – он будет в курсе. Все понятно?

– Конечно, сэр! – Джексон, полный краснощекий мужик лет сорока пяти, сверкнул щербатой улыбкой.

– Тогда все, работайте. Если возникнут вопросы – обращайтесь напрямую ко мне, – и Олаф зашагал в сторону лестницы.

– Э-э... Мистер Гуннарсон, сэр! – внезапно окликнул его бригадир.

– Чего еще? – Олаф обернулся, вынырнув из размышлений о демонтаже реактора.

– А разве не надо демонтировать СЖ?

– Демонтировать... что?

– Ну, эти системы биоциркуляции, мы только закончили их ставить неделю назад, – Олаф тупо смотрел на Джексона и ничего не говорил; улыбка бригадира медленно потухла. –

СЖ, сэр. Системы жизнеобеспечения.

– Системы жизнеобеспечения для чего? Для сжиженного водорода? Никогда не слышал про такие! – в голове у Олафа пронеслась спасительная мысль: этот парень просто перебрал вечером, несмотря на строгий запрет не пить перед работой.

– Ну как же, сэр, вот здесь! – Джексон поднырнул под ограждающий поручень и затерялся в системе труб, наконец его голова высунулась из-за клапана. – Вот он! Модуль биоциркуляции. Мы с ребятами чуть голову себе не сломали, думая, как его сюда пропихнуть.

Олаф нырнул под поручень вслед за бригадиром, тут же вымазал руки и плащ... Джексон, теперь уже без всякой улыбки, опирался локтем о модуль с маркировкой «СЖ-14Б-Ц», приделанный к водородному танку. Узел, судя по всему, был сложный и дорогостоящий, с несколькими электронными датчиками.

– И много тут таких? – спросил Олаф, пытаясь вспомнить: может, он просто забыл об этой штуке, может, ему что-то о ней говорили, а он – взял и забыл...

– «Четырнадцатых» – где-то треть, так есть еще «двадцать седьмые», «двенадцатые»...

– Понятно, – сказал Олаф, хотя ни черта ему было не понятно. Но подчиненным незачем об этом знать. – Да, их тоже демонтируйте, сами решите с мистером Лигрином вопрос упаковки, он будет в курсе. Действуйте, Джексон.

Олаф сбегал вниз по лестнице строительных лесов. «Это какой-то бред. Наверное, я просто еще не проснулся, – думал он; и тут же, – контрабанда животных... нелегальных эмигрантов... Нет, десантные модули... Черт, все это глупость, зачем такие сложности?... Биологическое оружие?.. Что же я такое строю?..»

Лестница внезапно кончилась, и Олаф чуть не споткнулся, когда под его ногами оказался ровный асфальт.

«Чем вообще занимается этот Леон Дэйр? Да в общем-то, как и другие – всем понемногу... Но, видимо, зачем бы эта штука ни строилась – кому-то она здорово помешала... Крылатая ракета; если у них есть такая огневая мощь – почему было не взорвать саму Установку?.. Даже думать бессмысленно – только запутаю сам себя. Уравнение с неизвестным количеством неизвестных...»

Наконец Олаф добрался до административного корпуса. Охранник привстал, приветствуя его.

Олаф поднялся в свой кабинет. Секретаря пока не было на месте. Бросил плащ на кресло, отправился в ванную и несколько минут отмывал руки. Наконец, собравшись с мыслями, сел в свое удобное кресло и скомандовал видеофону.

– Звонок всем начальникам отделов. Режим видеоконференции.

Через полминуты экран на стене разделился на четыре части; в идеале их должно было быть двенадцать. Значит, остальных компьютер не смог найти. Четыре пары внима-

тельных глаз следили за движениями губ Олафа.

– Господа! Прошу прощения, что беспокою в такое позднее время. Но ситуация форс-мажорная. Через полчаса прошу вас быть в моем кабинете. В связи с временной консервацией объекта и... некоторыми дополнительными обстоятельствами. Кстати, если у вас есть информация о местонахождении других начальников отделов – прошу вас сообщить им о моем распоряжении. Жду вас... Прервать конференцию, – экраны тут же погасли. – Через пять минут повторить вызов тем, с кем не удалось связаться... И, пожалуй, еще кофе.

9.

Ключ повернулся и инициировал зажигание. Микроавтобус медленно хрустел шинами по дорожке из гравия. Солнце простреливало чахлый больной лес насквозь. Рутгер надел солнцезащитные очки.

Он всегда гордился своим талантом тактика. Этот талант не единожды спасал жизнь ему и его помощникам. Поэтому Рутгер выбрал день.

Животные не очень-то привыкли работать в такое время: хорьки уныло тыкались снулыми носами друг в друга, Иза раздраженно пыталась уснуть (как же, побеспокоили Их Величество!). Только Зигфрид чувствовал себя прекрасно.

Но все же Рутгер выбрал день.

...Городское отребье давно получило его заказ: двадцать тысяч за информацию о скрывающейся женщине с младенцем. Сообщения тут же посыпались со всех сторон. Но после того как два идиота поплатились жизнью за откровенную ложь, а еще один недоумок остался без руки, всучив ему вонючую бродягу-мутантку, «агенты» Рутгера стали лучше проверять свою информацию.

И вот наконец – что-то стоящее. Женщина, выходящая каждую вторую ночь из очень хорошо замаскированного убежища на городской свалке. Нэш чувствовал, что на сей раз наблюдательная Крыса получит свои деньги...

Микроавтобус вывернул на недавно отреставрированный хай-вэй. Прекрасная асфальтированная трасса вела в сердце Лос-Анджелеса.

На свалке действовал один непреложный закон: днем она принадлежала муниципальным мусорщикам с тяжелыми пулеметами, а ночью – бандам и всем, кому удастся скрыться от банд. Не спрятаться к наступлению дня – равносильно самоубийству: мусорщики стреляют без предупреждения. Поэтому жители свалки днем отсыпались, чтобы ночью продолжить свой нелегкий промысел. А значит застать цель врасплох и сделать дело быстро и бесшумно лучше всего именно сейчас, ранним утром.

В трех милях от городской черты Рутгер свернул на второстепенную дорогу. Теперь ему предстояло полчаса трястись по колдобинам, огибая Лос-Анджелес.

Пару раз навстречу ему попались пустые мусоровозы: видимо, их водители решили выбрать более длинную дорогу со свалки, но зато без риска проторчать несколько часов в пробке. Уныло висели стволами вниз грозные пулеметы: грузовики уже покинули опасный район, и стрелки облегченно прятались в кабинах.

Наконец впереди показались первые горы мусора. Главная дорога среди завалов шла прямо, но Рутгер не стал дальше испытывать судьбу: теперь мусорщики могут принять за врага и его. А это значит, что лучше превентивно принять за врагов их самих.

Нэш резко дернул руль вправо, микроавтобус перекатился через небольшой мусорный перевал. Рутгер припарковал машину в тени высокой горы отбросов. Крыса-осведомитель должен ждать его здесь.

Нэш перелез в салон автобуса, надел ультракевларовый бронекостюм, укрепил на голове шлем, прицепил к ноге пистолет-пулемет, проверил, как выходит из кобуры за спиной гаусс-пистолет.

Животные, видя его приготовления, радостно разминались, даже Иза не могла больше сердиться: слишком желанным было предстоящее развлечение. Несколько минут потребовалось, чтобы укрепить на них сбрую.

Раздался легкий стук в стекло водителя. Рутгер бросил туда взгляд: высокий силуэт. Он ловко отвел в сторону дверь фургона и выскочил наружу, Иза и хорьки выскочили сле-

дом. Нэш обошел машину сзади.

Крыса и правда был довольно высок, но странно сгибался на правый бок. У него не хватало одного глаза.

– Далеко? – без приветствия спросил Рутгер.

– А мои деньги? Где... когда я получу? – Крыса шептал, из разорванной шрамом губы брызгала слюна.

– Я не могу дать тебе задаток: сначала нужно убедиться, что твоя наводка – именно то, что мне нужно. Но не беспокойся: ты же знаешь, Спрут всегда выполняет обещания.

– Да, да, я слышал... но вдруг тебя убьют.

– И вновь: не беспокойся. Об этом не может быть даже речи. Веди.

Крыса заковылял куда-то прямо в кучу мусора, Рутгер тихонько свистнул в шлем и услышал, как хлопнули крылья сокола: Зигфрид поднялся над свалкой, высоко вверх. Тихий щелчок языком – по ногам Нэша стремительно взлетели два мохнатых тельца; и вот уже на его правом плече сидит Чип, на левом – Дейл.

Как ни странно, в горе отбросов, куда направился проводник Рутгера, оказался проход. Простой человек без опыта шнырянья по свалке заблудился бы в этом лабиринте в два счета. Но на случай непредвиденных обстоятельств у Нэша всегда был панорамный обзор с высоты птичьего полета.

– Далеко? – негромко повторил свой первый вопрос Рутгер.

Крыса обернулся через неестественно опущенное плечо:

– Не очень. Час... полчаса...

Они брели сквозь мусор, то и дело рискуя провалиться чуть не по шею в какую-нибудь предательскую яму: ноги Нэша, несмотря на цепкие армейские ботинки, постоянно скользили или проваливались в дыры, любая надежная на глаз опора норовила подломиться под самым осторожным шагом; солнце ярко освещало убогий мир вокруг. Рутгер поблагодарил Бога, что «кормушка» – свалка пищевых отходов – находилась в стороне от их тропы, и жуткая вонь гниющих отбросов не достигала его носа.

Время от времени то тут, то там Рутгер отмечал рыжий проблеск: Иза играла в прятки.

– Мы не встретим мусорщиков?

– Нет. Наверное... Я веду дневной тропой. Дневная тропа хорошо прячет.

На микроэкране в своем шлеме Рутгер видел землю под лапами Зигфрида. Видел себя, бредущего следом за странным уродом. Видел мусоровоз в полукилометре. Ничего опасного. И ничего интересного.

Наконец Крыса остановился, припал к земле, что-то понюхал, быстро выбросил вперед руку, и поймал за хвост пищущего грызуна. Ухмыльнувшись, бродяга уже открыл рот...

– Не сейчас, – предупредил Рутгер.

Крыса скривился, сломал своему тезке шею и спрятал завтрак в карман.

– Скоро?

– Уже пришли. Вон. Эта гора. Она пустая. Внутри пустая.

– Значит, полость внутри этой кучи... Как ты узнал?

– Увидел. Подглядел. Я искал еду. Искал крысу, да. Но-
чью. Она выходит оттуда.

– Откуда именно?

Крыса замялся.

– Ну... оттуда. Откуда-то... Не помню...

Дейл дернулся на левом плече и ткнулся усатой мордоч-
кой в шею. «Молодец, малыш, – мысленно похвалил хорька
Нэш, – но я и сам вижу, что он врет».

– Правду, – тихо, без угрожающих интонаций сказал Рут-
гер. Крыса и впрямь оказался сообразительным.

– Хорошо, это не я. Ищущий. Ее нашел один Ищущий.
Они раскапывают холмы. Ищут старое... Он видел, сказал
мне. Но... не показал. Не успел показать...

– Не бойся, мне все равно, кому платить. И все равно,
сколько народу ты угробил ради этой информации. Но ты
уверен, что это именно та самая гора?

– Да, да, уверен! Третий холм после Левого Хребта Ма-
шины! Это он, это здесь!

– Ладно, подожди пока тут. Я все проверю, и ты получишь
свое вознаграждение.

Рутгер быстро провел рекогносцировку, внимательно
оглядев окружающее пространство с помощью камеры Зиг-
фрида. Метрах в четырехстах от них крутился мусоровоз; но

черт с ним: грузовик вне прямой видимости, а ждать неизвестно сколько на этом поле чудес не хотелось.

Нэш включил тепловизор в видеокамере сокола и приказал ему пролететь над интересовавшей его кучей мусора. Зигфрид неожиданно резко пошел на снижение, и Рутгер ничего не успел разобрать. Сокол зашел на широкий разворот. Вся свалка светилась тепловыми силуэтами: в каждой куче отбросов прятались люди, животные, мутанты; горели ярко-оранжевым нагретые солнцем металлические поверхности... Как только Зигфрид подлетел к цели, его неожиданно бросило в сторону. «Что-то неправильно», – пронеслось в голове у Спрута. Как будто бы его разведчик каждый раз наткался на невидимое препятствие... Нехорошее предчувствие закралось куда-то на край сознания. Нэш решил не идти против интуиции и выключил тепловизор; затем приказал птице дальше патрулировать местность. Зигфрид больше не выказывал беспокойства.

Нэш решил действовать по-другому.

Он повел бровью – изображение на микроэкране переключилось; ему показалось, что голова у него стала в два раза шире: один глаз остался на месте, а второй глядел откуда-то с плеча. Рутгер щелкнул языком, и «глаз» соскочил на землю. Следующим щелчком Нэш послал вперед и второго хорька.

Прямо; чуть левее. Искать вход. Вдруг Чип тихонько пискнул: есть острый резкий запах. Отлично! Искать

вход, какую-нибудь щелку. Дейл фыркнул: нашел узкий лаз. Внутрь, во тьму.

Рутгер шевельнул веком: включилось ночное видение. Похоже, хорек оказался в старой водосточной трубе; пробежал до ее конца... Тупик. Назад.

Рутгер переключился на Чипа. Малыш влез в ящик телевизора без потрохов, нашел щель и, юркнув под какую-то ржавую железяку, оказался внутри мусорной кучи. Нэш включил ночное видение на камере Чипа. Вдруг лапки заскользили по чему-то гладкому... Лобовое стекло автомобиля! Треснутое во многих местах, но чудом уцелевшее. Похоже, Чип оказался снаружи погребенной под грудой отбросов машины. Теперь повернись, надо осмотреть салон... Повернись!

Но Чип внезапно что-то неразборчиво пискнул: такого сигнала не было в их «лексиконе».

«Черт побери!» Малыш, повернись и огляди салон! Я приказываю! Вновь странный писк, и вдруг – яркий свет... Нэш спешно выключил ночное видение: хорек выбрался наружу.

Неподчинение приказу. Такого еще не был в практике Спрута. Обычно его животные действовали послушно, как щупальца гигантского подводного монстра, проникая туда, куда он им прикажет. Беспрекословное подчинение – как части тела одного организма, мозг которого – он, Рутгер Нэш. Спрут.

Чип подбежал к Рутгеру и прижался к его ноге. Малыша

трясло. Вот так простенькое дельце – поймать женщину и ребенка...

Рутгер переключился на Дейла. Обогни этот выступ. Сюда!

Зверек засуетился у узкого лаза, засунул в него нос, но не полез внутрь. Несмотря на команду Спрута!

Это было странно. Это было ни на что не похоже. Но во всяком случае ситуация складывалась теперь так, что Рутгер мог сделать определенные выводы: там действительно что-то есть. Что-то, что способно даже помешать ему управлять его животными.

Рутгер Нэш был хорошим тактиком. Поэтому он никогда не поступал опрометчиво. Щелкнув языком, он отменил команду, которую никак не мог выполнить Дейл, и словно почувствовал облегчение хорька.

Его меньшие щупальца вернулись к нему и тут же принялись играть на куче мусора у его ног. Крыса смотрел на него испытующе – он и не догадывался, что знаменитый Спрут потерпел крах.

– Что? – прошептал урод. – Ты видел? Деньги...

Надо было сохранять репутацию: Крыса видел, что хорьки вернулись, значит, он уже должен был все выяснить.

– Вот твои деньги, исчезни, – он сунул осведомителю пачку кредиток, тот быстро заковылял за ближайший уступ мусорной скалы и действительно исчез.

Незачем рисковать животными. Незачем вновь натывать-

ся на непослушание: гораздо проще сделать все самому.

Нэш достал из кобуры гаусс-пистолет и быстро пошел по направлению к цели. На ходу включил камеру в своем собственном шлеме; движение веком – появилось изображение в инфракрасном спектре.

Вот они, два светящихся красным и оранжевым комочка: большой и маленький. Это они.

Где-то тут должен быть вход... Но где? Рутгер решил использовать самый простой из возможных способов.

– Выходи! Я знаю, что ты тут! – крикнул он. – Выходи, а то я просто сотру эту кучу мусора с лица Земли!

Несколько секунд над свалкой, испуганной человеческим голосом, висело молчание. Только вдалеке привычно гудел мусоровоз. А затем:

– Хорошо, я выйду. Ладно, только не причиняйте ему зла, прошу вас! – Рутгер почти ничего не услышал, когда прямо перед его носом в сторону отъехал ничем не выделяющийся кусок металла. Из тьмы своего убежища на него смотрела молодая женщина. Рыжие волосы, зеленые глаза. Прекрасно.

– Тебя зовут Алиса? – без интереса спросил Рутгер. Женщина кивнула. – С ребенком все в порядке? – Она кивнула опять, глаза ее остановились на страшном оружии, что он сжимал в руке. – Вылезай. Давай, я помогу.

Она выбралась на дневной свет, щурясь от его непривычной яркости, так и не воспользовавшись помощью наемника. Из маленького уютного свертка на ее руках вдруг вырвалась

миниатюрная ножка. Рутгер сделал усилие, чтобы не улыбнуться. В конце концов, это всего лишь работа. Алиса плотнее прижала к себе ребенка. Секунду подумав, Рутгер решил не отнимать у нее малыша: так она согласится выполнять все его распоряжения и не будет чинить препятствий. Меньше всего ему сейчас нужны женские истерики... и прочие эксцессы.

– Иди вперед, вон туда, – Нэш пистолетом указал направление.

Алиса повиновалась. Рутгер удивился, как ловко она справляется со своим балахоном, свисающим до самой земли: обеими руками она держала младенца, но при этом умудрялась не спотыкаться на каждом шагу, хотя даже Рутгеру с его подготовкой идти по свалке было тяжело.

Женщина вошла в узкий проход, который Крыса назвал «дневной тропой» – через полчаса они должны вернуться к его микроавтобусу.

Рутгер сделал несколько шагов вслед Алисе – и вдруг услышал сигнал тревоги: сокол чем-то взволнован. Рефлекторно дернул бровью: вид с лапы Зигфрида. Мусоровоз, всего метрах в пятидесяти, и вот-вот вывернет из-за грядыхлама! В ту же секунду он своим собственным свободным ухом услышал приближающийся рев мотора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.